

БОРЬБА С РАСПРОСТРАНЕНИЕМ ВИРУСА И ЗАКРЫТИЕ ВНУТРЕННИХ ГРАНИЦ ЕС ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ COVID-19: ПРИМЕР ФИНЛЯНДИИ

Й. Вирккунен

Университет Восточной Финляндии,
FI-80101, Финляндия, Йоэнсуу

Поступила в редакцию 15.10.2020 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2020-4-5

© Вирккунен Й., 2020

В статье анализируется ситуация с закрытием внутренних границ ЕС во время пандемии COVID-19 на примере Финляндии. Особое внимание уделяется цели правительства «защитить население и обеспечить безопасность функционирования общества» путем ограничения миграции и мобильности на разных границах Финляндии. По «неудовлетворительным» причинам были прекращены полеты и поездки из стран, не входящих в Шенген, а также, за некоторыми исключениями, ограничены поездки на работу и ежедневные трансграничные коммуникации между Финляндией и шенгенскими соседями — Швецией, Норвегией и Эстонией. Эти меры осложнили функционирование туристической отрасли и отраслей, зависящих от мигрантов, а также жизнь семей мигрантов. В то время как закрытие границы между Эстонией и Россией не вызывает никаких дискуссий в финском обществе, закрытие финско-шведской пограничной территории, которая было полностью открыта с 1950-х годов, привело к дебатам о конституционных правах граждан и даже к актам гражданского неповиновения — к полулегальным пересечениям границы.

Ключевые слова:

граница, COVID-19, пандемия, внутренние границы ЕС, Эстония, Финляндия, Швеция

Введение

Пандемия COVID-19 изменила геополитическую карту мира за считанные месяцы — ограничения поездок и путешествий приобрели глобальный характер, все страны закрыли свои границы, авиа- и железнодорожные перевозчики прекратили свои операции и получили распоряжение помещать въезжающих в страну на карантин. Карантин и меры по контролю за эпидемиологической ситуацией не являются новыми в борьбе с инфекционными заболеваниями, но в контексте глобализованного мира с открытыми границами, чрезвычайно высокой социальной, экономической и политической взаимозависимостью эти новые практики установления границ оказали серьезное влияние на наши представления о роли государства и о глобальной интеграции, изменили повседневный порядок внутренних и зарубежных путешествий. Данная ограничительная мера — одна из важных составляющих эффективной борьбы с распространением инфекции и контроля над национальной безопасностью, но именно эта мера подвергается наибольшей критике в силу ограничений, которые накладываются на возможность людей действовать в глобализованном мире.

Для цитирования: Вирккунен Й. Борьба с распространением вируса и закрытие внутренних границ ЕС во время пандемии COVID-19: пример Финляндии // Балтийский регион. 2020. Т. 12, № 4. С. 83–102. doi: 10.5922/2079-8555-2020-4-5.

В статье рассматривается вопрос закрытия внутренних границ ЕС во время пандемии COVID-19 и то, как этот процесс отразился на Финляндии. На время пандемии финское правительство ограничило авиаперелеты и путешествия не только из стран, не входящих в Шенген, таких как Россия, Китай и Таиланд, но, за некоторыми исключениями, поездки на работу и ежедневные поездки через границы со Швецией, Норвегией и Эстонией. В статье анализируются ситуация с закрытием сухопутной границы Финляндии со Швецией и морской границы с Эстонией, а также социальные и экономические последствия введения границ на внутренних интегрированных приграничных территориях Европейского союза. Границы Финляндии со Швецией и Эстонией представляют собой две разные приграничные области с разной историей и разной степенью трансграничной интеграции. В результате плодотворного сотрудничества стран Северной Европы с 1950-х годов граница Финляндии со Швецией практически перестала существовать, поэтому в нынешних условиях пандемии изоляция привела к тому, что граждане стали требовать соблюдения своих конституционных прав на свободное передвижение, в результате чего были зафиксированы акты гражданского неповиновения в виде полуправовых пересечений границы. В Эстонии, где многие семьи и предприятия зависят от туризма и работают с Финляндией, решение Финляндии об сокращении приграничного передвижения серьезно повлияло на экономику Эстонии и семьи эстонских мигрантов, выезжающих на работу.

Геополитика борьбы с инфекционными заболеваниями — явление не новое. Вопросы общественного и мирового здравоохранения, а также пространственного управления вирусными инфекциями занимали центральное место в политической, правовой и коммерческой истории национализма, колониализма и интернационализма. В своем анализе истории борьбы с болезнями Э. Башфорд [1] утверждает, что борьба с инфекционными заболеваниями осуществляется не только в пределах юрисдикции суверенных государств, но также в результате формальных и неформальных действий за пределами государства. Она связывает рост глобального общественного здравоохранения и регулирования распространения болезней с контекстом колонизации и деколонизации, с одной стороны, и возникновением идеи «национального» и «интернационального» — с другой. В контексте своих национальных императивов территориальной обороны колониальные державы были заняты «интернациональным здоровьем», то есть колониальной и тропической медициной в своих колониях. Геополитика профилактики заболеваний, как утверждает в [1, р. 6], была тесно связана с национализмом и контролем над суверенной территорией. По мере увеличения интенсивности путешествий, инспекции и досмотру в гаванях и на сухопутных границах стали подвергаться прибывающие товары, суда, животные, документы, сами путешествующие и состояние их здоровья. Фактически, проверка документов и медицинские осмотры, включая осмотр самих иммигрантов на наличие каких-либо признаков болезней, появились до формирования современной системы удостоверения личности — паспортов или виз, и сделали границы пунктами пропуска. Международные торговые конвенции и соглашения по борьбе с болезнями сместили фокус с колониального здравоохранения на международное и «медицинскую помощь», что способствовало развитию программ здравоохранения в странах «третьего мира».

Инфекционные болезни и борьба с их распространением представляют собой в первую очередь предмет изучения медицинских дисциплин, но это также важные вопросы истории, государственного управления, социологии и социальной политики. География здоровья¹, тесно связанная с медицинской географией и ге-

¹ С. Эллиот считает, что география здоровья «занимается изучением ключевых факторов и причин, процессов распределения и распространения в области здоровья и здравоохранения населения Земли» [3]. Она также занимается изучением здоровья и здравоохранения в пространственной перспективе, что позволяет рассматривать предмет на разных уровнях — от локального до глобального.

ографией здравоохранения населения, — это междисциплинарная наука на стыке географии и медицины, однако такие вопросы, как мобильность, пограничный контроль и изоляция, не являются предметом изучения [2, p. 316]. Фокус настоящего исследования, которое вносит вклад в развитие узких областей изучения политической географии и приграничных исследований, направлен на взаимосвязь между распространением заболевания, пространством и структурами власти. Эта взаимосвязь рассматривается сквозь призму глобализации, глобальной политической экономики, здоровья нации как элемента геополитической стабильности и потенциального влияния распространения заболеваний на государственный суверенитет во взаимосвязанном мировом контексте. Вопросы всеобщего здоровья стали предметом критического анализа экологической безопасности и повесткой дня в области безопасности в 1990-х годах [4, p. 38].

Глобализация, стремительное перемещение людей и товаров и осознание глобальности характера инфекционных заболеваний изменили принципы современного здравоохранения, превратив его из системы, основанной на колониальной и международной медицине, в глобальную систему «пост-вестфальского» администрирования. Целый ряд негосударственных субъектов и глобальных инициатив в области здравоохранения, таких как государственно-частные партнерства, фонды, международные организации, «Большая восьмерка» и общественные объединения, стали ключевыми акторами, определяющими глобальную повестку дня в области здравоохранения, мобилизации ресурсов и предоставлении услуг [5, p. 3; 6; 7, p. 240, 256; 8, p. 161 — 164]. Кроме того, границы стали неотъемлемыми компонентами дискурса безопасности, технологий управления и политики общественного здравоохранения, направленными на защиту населения страны от внешних угроз [4; 6; 8; 9]. Концепция политики общественного здравоохранения по-прежнему основывается на идеях геополитики и национальных интересах. Несмотря на то, что безопасность здоровья одной нации зависит от здоровья всех остальных, национальные (или групповые) интересы по-прежнему преобладают в сфере общественного здравоохранения [10]. В Европейском союзе совместная политика всеобщего здравоохранения и борьба с инфекционными заболеваниями реализуются в рамках понятий «безопасность здоровья» и «трансграничные угрозы здоровью» [11, p. 347, 361 — 363]. Как заключают Л. Бенгтссон и М. Райнард, смещение внимания ЕС в сторону социальной безопасности и кризисного управления означает, что «серьезные трансграничные угрозы здоровью» рассматриваются как качественно отличающиеся от обычных угроз распространения инфекционных заболеваний [11, p. 363].

В современных обществах практика пограничного скрининга в целях профилактики распространения заболеваний вызвана острыми вспышками быстро распространяющихся вирусных и бактериальных инфекционных заболеваний, таких как ВИЧ / СПИД и туберкулез. В контексте новых «повторно возникающих заболеваний и экономической глобализации», задолго до появления пандемии, А. Башфорд пишет о переходе от «международного» здравоохранения к «глобальному» [1, p. 10 — 13]. Угрозы биотерроризма, вспышки птичьего гриппа, атипичной пневмонии и других инфекционных заболеваний носят глобальный характер и, таким образом, влияют также и на общества «первого мира». Интернет и информационные и коммуникационные технологии, глобальные социальные сети, транснациональность, интенсивная трансграничная мобильность и финансовый капитализм «лишены места» и, соответственно, подрывают основы национального суверенитета и сфер влияния государства. При этом процесс борьбы с глобальными пандемиями коронавируса в 2003 году (SARS) и 2020 году (COVID-19) наглядно демонстрирует доминирование национальных государств в борьбе с заболеваниями, делая глобальное и европейское управление чрезвычайно слабым.

В случае с пандемией COVID-19, как пишут С. Радил, Дж. Пинос и Т. Птак [12], внезапное возобновление пограничного контроля является наиболее значимой политической стратегией сдерживания распространения вируса и управления кризисом. Быстрое возрождение национальных государств и территориальных границ предусматривает возобновление функционирования контрольно-пропускных пунктов и сил безопасности, ограничивающих международное, а в некоторых случаях и внутреннее перемещение людей. Новые и чрезвычайно жесткие ограничения передвижения выступают в качестве основных инструментов контроля, сдерживания рисков для здоровья и национальной безопасности и, таким образом, вводят ограничения не только на повседневную мобильность и общественные места, такие как магазины и общественный транспорт, но и серьезно ограничивают поездки и транснациональную деятельность. А. Пааси упоминает, что, несмотря на то, что многие государства вводят пограничный режим в качестве основного способа решения «проблемы», прерывание глобальных сетей и производственно-сбытовых цепей не позволяет считать эти меры оптимальным решением [13]. Как оптимист он предлагает другой вариант: пандемия должна стимулировать трансграничное и долгосрочное сотрудничество в области прогнозирования и обеспечения готовности к будущим пандемиям и в области разработки лекарств.

Границы Финляндии во время пандемии

Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) 11 марта 2020 года объявила распространение в мире COVID-19 глобальной пандемией. Через несколько дней, 16 марта, на пленарном заседании правительство Финляндии впервые в мирное время объявило о введении трехмесячного чрезвычайного положения. Применение Закона о чрезвычайных полномочиях и Закона об инфекционных заболеваниях позволило компетентным органам издавать и применять целый ряд постановлений, ограничивающих основные права людей, закрепленные в конституции. Чтобы «предотвратить серьезную опасность для жизни и здоровья», правительство также регламентировало посещение жилищных служб и свободное передвижение пожилых людей и людей из других групп риска, доступ в государственные учреждения (школы, университеты), культурные объекты (библиотеки, в том числе передвижные, центры досуга и развлечений, музеи) и спортивные сооружения. Субъекты частного и негосударственных секторов, а также религиозные общины также должны были выполнять соответствующие предписания.

Согласно разделу 9 Конституции Финляндии, финским гражданам не должно быть запрещено въезжать в Финляндию, и каждый гражданин имеет право покинуть Финляндию. Однако законом могут быть предусмотрены ограничения права на выезд из страны, если они необходимы для обеспечения судебного разбирательства или исполнения наказаний или для реализации мер по национальной обороне².

Эта цитата из инструкций Пограничной службы Финляндии для пассажиров в отношении въезда в Финляндию указывает на один из ключевых принципов и методов пограничного контроля, установленных Законом о чрезвычайных полномочиях во время пандемии 2020 года, — способность ограничивать конституционное право людей на свободное передвижение внутри Финляндии и за ее пределами. На основании постановления правительства, Закона о пограничной охране и Шенгенского пограничного кодекса ЕС правительство 19 марта 2020 года ввело новые требования к въезду и утвердило ограничения приграничного движения. Пассажирское движение было ограничено на «восточной» границе и на «внутрен-

² *The instructions of the Finnish Border Guard to passengers regarding entry to Finland // RAJA 100. URL: https://www.raja.fi/current_issues/guidelines_for_border_traffic (дата обращения: 10.10.2020).*

них» границах Финляндии⁵. Правительство рекомендовало судоходным компаниям, работающим с Швецией, Эстонией и Германией, прекратить продажу билетов для пассажирских перевозок до середины мая, за исключением грузовых перевозок и обеспечения возвращения финских граждан и лиц, проживающих в Финляндии. Финским гражданам и лицам, проживающим в Финляндии, было рекомендовано немедленно вернуться в Финляндию и не выезжать за границу. «Основные поездки» для работы и доступа к другим «необходимым услугам» были тем не менее разрешены через северные и западные границы. Гражданам, возвращающимся в Финляндию из-за границы по земле, морю и воздуху, рекомендовалось оставаться в условиях, эквивалентных карантину, в течение 14 дней.

Финляндия граничит с четырьмя государствами: Эстонией, Швецией, Норвегией и Российской Федерацией. История Финляндии и изменения геополитической обстановки в регионе наглядно демонстрируют тот факт, что отношения с каждым из приграничных государств, а также с различными сегментами границ этой страны различны. Приведенные выше определения «восточные» или «внешние» границы относятся к границе с Россией, «внутренние» границы означают границы Шенгенского соглашения и свободное передвижение со Швецией, Норвегией и Эстонией. Указание на «основные поездки» и «необходимые услуги» относится к некоторым исключениям в отношении приграничных территорий на время действия Закона о чрезвычайных полномочиях. Эти политически сложные исключения, а также их реализация финской пограничной службой позволили осуществлять пересечение границ Финляндии некоторым пассажиропотокам. Однако расплывчатое определение «основных» и конституционных прав приводит к обсуждению фактической законности пограничной политики правительства, с одной стороны, и к гражданскому неповиновению и полулегальному пересечению границы — с другой.

Наблюдаются различия в числе зарегистрированных случаев COVID-19 и случаев смерти в Финляндии, Швеции и Эстонии (табл. 1). Благодаря более либеральной политике общее количество случаев заболевания, смертей, связанных с COVID-19, и число новых случаев на 100 тыс. населения в Швеции было намного выше, чем в двух других странах. Эта разница в эпидемиологической ситуации оказала непосредственное влияние на то, что финские и эстонские политики, а также пограничные органы здравоохранения рассматривали свободное передвижение на границе со Швецией как высокий риск. В то время как Эстония создала «балтийский пузырь» для свободного передвижения с Латвией и Литвой, Финляндия ужесточила «несущественную» мобильность со всеми своими соседями на севере (Швеция, Норвегия), на юге (Эстония) и на востоке (Россия).

Восточная граница Финляндии с Россией значительно отличается от границ Шенгенского соглашения со Швецией, Норвегией и Эстонией. Это внешняя граница Европейского союза, и, следовательно, она соответствует общим шенгенским правилам пограничного контроля, руководящим принципам ЕС и принципам обмена информацией. Когда 19 марта вступили в силу ограничения приграничного движения, пассажирские перевозки были строго регламентированы, и помимо грузов только некоторые обладатели двойного гражданства, приезжающие в Финляндию студенты и члены семей финских граждан могли пересекать границу. Следовательно, количество ежедневных пересечений границы в пограничном округе Юго-Восточной Финляндии упало с 8 000—15 000 пассажиров до 1 000—1 500 чел., около 80% из них составляли профессиональные водители грузовых автомобилей [14].

⁵ *Finnish border traffic to be restricted as of 19 March 2020* // RAJA 100. URL: https://www.raja.fi/current_issues/facts/news_from_the_border_guard/1/0/finnish_border_traffic_to_be_restricted_as_of_19_march_2020_79144 (дата обращения: 10.10.2020); *Matkailija*, palaa Suomeen. URL: https://um.fi/ajankohtaista/-/asset_publisher/gc654PySnjTX/content/ulkoministeri-c3-b6-c3-a41-c3-a4-matkusta-ulkomaille- (дата обращения: 10.10.2020).

Новые правила разрешали перевозку товаров через границу, но запрещали пассажирские перевозки в туристических целях. Россиянам-владельцам коттеджей в Финляндии разрешалось посещать свои дома, а финским приграничным жителям ездить в Россию в целях приобретения «дешевого» бензина. Проекты трансграничного сотрудничества были перенесены на онлайн-платформы; непосещение магазинов, торговых центров и аутлетов оказало отрицательное влияние на экономическое развитие таких регионов, как Юго-Восточная Финляндия, которые в значительной степени зависят от трансграничного бизнеса и туризма.

Таблица 1

**Случаи COVID-19, смертность, вызванная COVID-19
и количество новых случаев заболевания на 100 тыс. населения
за последние 14 дней месяца в Финляндии, Швеции и Эстонии в 2020 году ***

Месяц	Случаи заражения			Смертность			Новые случаи заражения на 100 тыс. чел. в среднем		
	Финляндия	Швеция	Эстония	Финляндия	Швеция	Эстония	Финляндия	Швеция	Эстония
Январь	1	0	0	0	0	0	0	0	0
Февраль	3	11	1	0	0	0	0,01	0,01	0,005
Март	1315	4360	716	13	289	3	6,3	10,15	14,45
Апрель	4908	20968	1667	206	2803	50	28,76	63,83	40,48
Май	6828	38390	1866	316	4593	63	19,64	77,63	8,38
Июнь	7211	67 060	1988	328	5482	0	4,94	118,49	5,74
Июль	7425	76681	2052	329	5760	0	1,75	67,33	1,64
Август	8079	84234	2374	335	5839	64	4,49	34,42	8,45
Сентябрь	9894	93 160	3316	343	5895	0	11,38	33,52	26,03
Октябрь**	11 051	96 685	3716	346	5904	67	31,91	61,41	51,48

Примечание: * в целом на конец месяца; ** среднее значение на 8 октября.

Источник: Daily update of new reported cases of COVID-19 by country worldwide // European Centre for Disease Prevention and Control. URL: <https://www.ecdc.europa.eu/en/publications-data/download-todays-data-geographic-distribution-covid-19-cases-worldwide> (дата обращения: 10.10.2020).

В отличие от восточной границы с Россией западная и северная границы Финляндии со Швецией и Норвегией долгое время были открыты для местного приграничного движения. Для граждан стран Северной Европы (Финляндия, Швеция, Норвегия, Дания и Исландия) паспортный режим был отменен с 1950-х годов, с момента вхождения в Шенгенскую зону в 2001 году пересечение границы осуществляется на любом ее участке [15], поэтому границы со Швецией и Норвегией фактически не существуют. Решение правительства от 19 марта восстановить пограничный контроль⁴ и запретить любое движение, кроме грузового и поездов на

⁴ В соответствии с Шенгенским пограничным кодексом (Temporary Reintroduction of Border Control // European Commission. URL: https://ec.europa.eu/home-affairs/what-we-do/policies/borders-and-visas/schengen/reintroduction-border-control_en (дата обращения: 10.10.2020) государства-члены могут временно возобновить пограничный контроль на внутренних границах в случае, если представляется серьезная угроза государственной политике или внутренней

работу по «уважительным причинам», вызвало жаркие споры. Учитывая большое число зарегистрированных в Швеции случаев COVID-19 это решение было принято одобрительно и одновременно вызывало большое число вопросов относительно его реализации. В объединенном центре города Хапаранда-Торнио, например, как и в других областях с многовековой совместной историей и социальной и бизнес-инфраструктурой, ограничения создали ряд определенных проблем и стали причиной «полулегального» движения через границу Швеции.

Морская граница с Эстонией потеряла свое значение после вступления Эстонии в ЕС в 2004 году, а также в Шенгенское соглашение в 2007 году. Как и сухопутная граница со Швецией, граница вдоль Финского залива превратилась в зону активной трансграничной агломерации бизнеса, туризма и труда. Введенный во время пандемии пограничный контроль Финляндии изменил как возможность путешествий и поездок, встреч между жителями двух странами, так и жизнь эстонских иммигрантов в Финляндии.

Далее рассмотрим вопрос о территориальной изоляции во время пандемии COVID-19 в Финляндии. Особое внимание будет уделяться цели правительства «защитить население и обеспечить безопасность функционирования общества» путем ограничения миграции и мобильности на внутренних границах Финляндии со Швецией и Эстонией. Материалом исследования послужили результаты академических исследований и сообщений в СМИ, материалы семинаров, а также опубликованные данные (новости, статистика и т.д.) и информация, полученная на встречах с представителями финской пограничной службой. Эти данные проанализированы с использованием метода качественного контент-анализа.

Медицинские работники, поездки за снюсом и акты гражданского неповиновения на шведской границе

История финско-шведской границы восходит к Фридрихсгамскому договору 1809 года, когда Швеция уступила Финляндию Российской империи, граница пролегла по Аландскому морю и Ботническому заливу на юге и по рекам Торнионйоки и Муонионйоки на севере. Будучи участниками договора о Северном сотрудничестве, Финляндия и Швеция реализуют программу свободного передвижения пассажиров и рабочей силы с 1950-х годов. Паспортный контроль был отменен в 1952 году. В 1960—1970-х годах свободное передвижение привело к массовой миграции в быстро развивающиеся промышленные города Швеции. Й. Коркисаари [16] отмечает, что около 545 000 финских граждан переехали в Швецию, а около 295 000 назад в Финляндию в 1945—2000 годах, что составило 70% всех финских эмигрантов за этот период, включая их потомков, и привело к увеличению численности населения Швеции примерно на полмиллиона жителей. Все это в сочетании с традиционно интенсивным трансграничным сотрудничеством в долине реки Торне, некогда единой культурной единице без границ и, наконец, вступлением в Шенгенское соглашение в 2001 году создало совместное пространство для культурного наследия и интенсивных социальных, экономических и политических встреч и обменов.

безопасности. Контроль должен оставаться исключением, уважать принцип соразмерности и быть ограниченным по времени. Ранее любой контроль осуществлялся на границе Финляндии и Швеции во время «миграционного кризиса» 2015—2016 годов, когда финская пограничная служба в сотрудничестве со шведской полицией осуществляла «усиленный иммиграционный контроль» (фин. «tehostettu ulkomaalaisvalvonta») (см., напр., [17; 18]). Формально это был не пограничный контроль, а, скорее, наблюдение за иностранными гражданами, включая проверку документов как в приграничных районах, так и в Финляндии в целом.

В контексте вышеупомянутой трансграничной интеграции решение правительства ограничить приграничное движение на финско-шведской границе 19 марта было исключительным. Граница была открыта только в пунктах пропуска Каресуванто, Колари, Муонио, Пелло, Торнио и Юлиторнио для грузовых перевозок и обратного движения, а также для пригородных и других поездок «по уважительной причине». Пересечение границы в других местах запрещалось. Все путешествующие, включая граждан Северной Европы, также были обязаны иметь при себе паспорт или официальное удостоверение личности. На практике новые ограничения парализовали повседневные встречи в приграничной зоне с семьей, друзьями, поездки на рабочие места, торговлю и бизнес по обе стороны границы. Различные темпы развития эпидемии в странах и различные меры борьбы с ней заложили основу дискуссий на государственном и гражданском уровнях и принципы сотрудничества по COVID-19.

По данным Европейского центра профилактики и контроля заболеваний⁵, первые случаи заболевания в Швеции были отмечены в конце февраля, и их число возросло до 20 000 случаев в конце апреля и до 93 000 в конце сентября. Эпидемия в Финляндии началась примерно на неделю позже, количество случаев заболевания в стране выросло до 5000 в конце апреля и до 9900 в конце сентября. Количество зарегистрированных случаев заболевания COVID-19 и количество смертей, связанных с COVID-19, в Швеции (5895 на 31 сентября) было примерно в десять раз больше, чем в Финляндии (343 на 31 сентября). Данные цифры являются отражением разных подходов к контролю над распространением пандемии (Швеция придерживается более либерального подхода к профилактике), а также опасений за неспособность медицины Финляндии выдержать чрезмерную нагрузку. Министр внутренних дел Финляндии Мария Охисало на правительственном брифинге по COVID-19 заявила: «Возможности интенсивной терапии на севере страны довольно ограничены, и мы не можем рисковать. Поэтому в ближайшие недели необходимо ограничить движение даже пригородного транспорта»⁶.

Соблюдая обязательства стран по свободе перемещения, границу между Финляндией и Швецией открыли 19 сентября, спустя шесть месяцев после беспрецедентного введения пограничного контроля. Таким образом, общественные обсуждения, а также социальные, экономические и политические последствия контроля над распространением заболевания в двух странах поднимают ряд интересных вопросов политики приграничья.

Во-первых, новые пограничные правила ограничивали «второстепенные» поездки в / из Швеции. Паромное сообщение между Хельсинки и Стокгольмом было остановлено, но, как часть важной инфраструктуры Финляндии, грузовое сообщение и движение возвращающихся пассажиров между Турку и Стокгольмом продолжались. На севере, где приграничная зона является совместной зоной поездок на работу, узкое толкование понятия поездок «по неуважительной причине», а также влияние ограничений на ежедневные поездки на работу вызвали некоторую озабоченность. Заместитель командующего Лапландским пограничным округом Янне Курвинен объяснил необходимость введения ограничений во время пандемии:

Были основательные причины для возобновления пограничного контроля. Он был введен для защиты людей, а не для того, чтобы им досаждал. Многие изменилось в приграничных районах, по крайней мере, в этот период, когда ведение регулярного бизнеса

⁵ *Daily update of new reported cases of COVID-19 by country worldwide* // European Centre for Disease Prevention and Control. URL: <https://www.ecdc.europa.eu/en/publications-data/download-todays-data-geographic-distribution-covid-19-cases-worldwide> (дата обращения: 10.10.2020).

⁶ *Hallitus aloittaa pikaisesti valmistelut pohjois- ja länsirajaliikenteen tiukentamiseksi — Joudumme jopa työmatkaliikennettä rajoittamaan, sisäministeri sanoo* // YLE. URL: <https://yle.fi/utiset/3-11283443> (дата обращения: 10.10.2020).

через границу было ограничено. Пересечение границ в целях осуществления регулярных покупок, банковских операций или посещений второго дома, которые не являются необходимыми для жизни людей, становится невозможным [19].

Окончательное решение о «неотложности» пересечения границы принималось пограничной службой, проверявшей цель поездки. Были случаи, как признает командующий Курвинен, когда понимание гражданами этого понятия отличалось от указанных правительством причин, что требовало последующих разъяснений. Поскольку эпидемиологическая ситуация в Швеции была значительно хуже, чем в Финляндии, усилия пограничной службы по ограничению распространения вируса получили решительную поддержку как в регионе, так и в Финляндии в целом. Рекомендация о самоизоляции оставалась в силе до открытия границы 19 сентября, в течение шести месяцев после введения контроля. Спустя неделю, 24 сентября, правительство вновь ввело пограничный контроль из-за быстро ухудшающейся эпидемиологической ситуации в Швеции, на этот раз исключая его распространение на жителей «приграничных сообществ»⁷. Тот факт, что особые потребности приграничных сообществ были в этот раз учтены, является заслугой Торговой палаты Лапландии, которая, среди прочего, потребовала регионально чувствительного подхода к политике здравоохранения⁸.

Второй важный аспект борьбы с распространением заболеваний, связанный с вышеупомянутыми конституционными правами, — это право граждан на выезд и въезд на территорию Финляндии в любое время. В начале пандемии COVID-19 в марте 2020 года правительство Финляндии ясно дало понять своим гражданам: границы закрыты, это не время для дачных поездок, разрешены только «неотложные» поездки за границу, и полиция, и пограничная служба гарантируют соблюдение закона. Однако в начале мая, спустя несколько месяцев после введения новых мер, местные СМИ и граждане, которые раньше ежедневно пересекали шведскую границу, внезапно осознали, что на самом деле запрет был незаконным и нарушал конституционные права граждан на въезд и выезд из страны. Проведя опрос общественного мнения, СМИ сделали вывод о том, что пограничная служба превысила свои полномочия, ограничив движение через границу со Швецией. Поскольку ограничения на приграничное движение использовались не только по медицинским показаниям, а от граждан, пытавшихся пересечь границу, были запрошены информация и документы, подтверждающие «неотложность» пересечения границы, эти меры были оценены как несоразмерные и даже выходящие за рамки компетенции властей [20]. Примечательно, что представители пограничной службы признают сомнительный характер ограничений, но оправдывают свои действия «необходимостью» соблюдения основных прав граждан на защиту их жизни и здоровья. В своем публичном ответе на критику и жалобы, поданные канцлеру юстиции и омбудсмену парламента, пограничная служба Финляндии уточняет:

Решение о восстановлении внутреннего пограничного контроля не нарушило гарантированную конституцией свободу передвижения, согласно которой граждане Финляндии никогда не должны встречать препятствий для въезда в страну. Кроме того, каждый

⁷ Чтобы облегчить ситуацию на Севере, правительство ввело режим без карантина для приграничных населенных пунктов. На границе со Швецией под действие режима попадают муниципалитеты Хапаранда, Оверторнео, Пайала и Кируна в Швеции, а также Торнио, Юлиторнио, Пелло, Колари, Муонио и Энонтекиё в Финляндии. На норвежской границе режим распространяется на муниципалитеты Сторфьорд, Кофьорд, Нордрейса, Каутокейно, Каарасйоок, Тана, Несеби и Сёр-Варангер в Норвегии, а также Энонтекиё, Инари и Утсйоки в Финляндии.

⁸ *Lapin Kauppakamarin Rajanylityskannanotto 23.9* // *Lapin Kauppakamari*. URL: <https://www.lapland.chamber.fi/lapin-kauppakamarin-rajanylityskannanotto-23-9/> (дата обращения: 10.10.2020).

гражданин гарантированно имеет право покинуть страну, если это право не ограничено законом. Следовательно, решения, принятые правительством относительно ограничения поездок, отчасти носят рекомендательный характер, и их цель заключалась в замедлении распространения пандемии. Таким образом, пограничная служба своими действиями и инструкциями поддержала реализацию целей правительства по обеспечению безопасности жизни и здоровья граждан⁹.

Действия пограничной службы по ограничению пересечения границы стало наглядным примером того, как два важнейших конституционных права в определенной степени вступили в противоречие во время чрезвычайного положения: право на защиту жизни и здоровья и право на свободу передвижения, пограничная служба при этом является исполнительным органом, реализующим решения правительства.

Упомянутый выше вывод, сделанный в СМИ, привел к незамедлительному росту числа пересечений на сухопутной границе, особенно между городами-побратимами Юлиторнио и Хапаранда-Торнио¹⁰. Многие печатные издания отмечали в качестве причин пересечений границы «поездки на работу и другие повседневные дела», но еще одной из причин нарушений запретов на перемещение и совершения актов гражданского неповиновения стали поездки за снюсом¹¹, цена которого на черном рынке Финляндии значительно выросла. Некоторые граждане, несмотря на настоятельные рекомендации не путешествовать, пренебрегли ими. Так гражданин из Кеми, что примерно в 30 км от границы, у которого закончились личные запасы снюса, узнал благодаря «сарафанному радио» о своем конституционном праве посещать Швецию и, несмотря на пограничный контроль и карантин, решил отправиться за покупками. Вот что он рассказывает о своих поездках:

Да, я сделал то, что запрещено. Нужно было выдержать двухнедельный карантин после поездки, но я снова поехал уже через неделю, вот такой вот бунт. <...> Иногда пограничники ворчат, спрашивают, какие у меня личные причины [пересечь границу], а я отвечаю, что не обязан рассказывать [21].

Большинство случаев пересечения границы на территории пограничного округа Лапландии все-таки было связано с поездками на работу и другими «неотложными» причинами, такими как посещение родственников¹². В качестве уступки министр внутренних дел Мария Охисало признала конституционные права финских граждан на выезд за границу и поддержала новое решение правительства о предоставлении «приграничным сообществам» Финляндии, Швеции и Норвегии особо-

⁹ *Rajavartiolaitoksen toiminnan perusteista sisärajavallonnassa* // RAYA 100. URL: https://www.raja.fi/ajankohtaista/tietoa/tiedotteet/1/0/rajavartiolaitoksen_toiminnan_perusteista_sisarajavallonnassa_79675 (дата обращения: 10.10.2020).

¹⁰ Хапаранда-Торнио — один из городов-близнецов — это городская агломерация с населением около 32 000 жителей, которая состоит из города Хапаранда в Швеции и города Торнио в Финляндии. По данным Т. Майнио [22], границу в Торнио в 2019 году пересекли 13,5 млн чел. В Хапаранде и прилегающей к ней шведской стороне долины большинство врачей и обслуживающего персонала, учителей, работников по уходу за престарелыми и т.д. являются гражданами Финляндии. Города имеют более 40 соглашений о сотрудничестве и проектов, включая совместную школу, туристический центр, водоочистные и отопительные установки, краеведческий музей и, конечно же, магазин Ikea.

¹¹ Снюс — это влажный некурительный табак родом из Швеции. Он также широко используется в Финляндии, но не продается в других странах ЕС, кроме Швеции.

¹² *Liikenne kasvaa Lapin sisärajoilla — Ylitornio ja Kilpisjärvi ovat vilkkaimmat Lapin rajavartiolaitoksen valvomat rajanylityspaikat länsi- ja pohjoisrajoilla* // RAYA 100. URL: https://www.raja.fi/tr/tiedotteet/1/0/liikenne_kasvaa_lapin_sisarajoilla_-_ylitornio_ja_kilpisjarvi_ovat_vilkkaimmat_lapin_rajavartiolaitoston_valvomat_rajanylityspaikat_lansi-ja_pohjoisrajoilla_79783 (дата обращения: 10.10.2020).

го статуса¹⁵. Новое соглашение, вступившее в силу 29 сентября, разрешило жителям приграничных муниципалитетов пересекать границу, даже если пересечение было ограничено в целом из-за ухудшения эпидемиологической ситуации в Швеции. При этом Охисало призвала финнов воздерживаться от любых поездок:

«Граждане Финляндии имеют право выезжать из страны и возвращаться в любое время, но я также призываю к моральной ответственности граждан, призываю не забывать, что пограничники медсестры и врачи каждый день рискуют своим здоровьем» [21].

Туризм и принятие семейных решений на границе с Эстонией

Второй предмет исследования в этой статье — ситуация на границе Финляндии с Эстонией во время распространения эпидемии COVID-19, которая значительно отличается от рассмотренной выше ситуации на границе со Швецией. В истории финско-эстонских культурных отношений с середины XIX века до наших дней наблюдаются различные фазы их развития и мобильности [24]. В том виде, в котором отношения между Финляндией и Эстонией находятся сейчас, они начали устанавливаться в период после распада Советского Союза. Запуск регулярного водного сообщения в 1965 году открыл новые возможности для путешествий. Прежде эстонцы, конечно, могли знакомиться с культурой Финляндии благодаря радио и телевидению, однако не решались совершать путешествия в эту страну по причине жестких ограничительных правил выезда из СССР, при том что поток финских туристов постепенно увеличивался. Открытие границ после восстановления независимости Эстонии в 1991 году и, в частности, вступление Эстонии в ЕС в 2004 году и Шенгенскую зону в декабре 2007 года полностью изменили миграцию и многократно интенсифицировали трансграничные поездки через Финский залив. Будучи критически важным компонентом инфраструктуры Финляндии, основное паромное сообщение между двумя странами продолжалось во время пандемии, однако разрешена была только перевозка грузов, а ограничения в первую очередь касались туризма, эстонской рабочей миграции в Финляндию и путешествий членов семей эстонских мигрантов.

Район, который шутливо называют Талсинки или Хеллинн¹⁴, за несколько десятилетий превратился в транснациональное пространство, где мобильность людей, товаров и услуг является постоянной и повседневной практикой. По данным Банка Эстонии¹⁵, в 2019 году в Эстонию было совершено более 6,1 млн поездок нерезидентов, из которых около 2 млн совершили финны. По оценкам поступления от туризма в размере 2 млрд евро составили около 8% ВВП Эстонии в 2018 году¹⁶,

¹⁵ *The instructions of the Finnish Border Guard to passengers regarding entry to Finland* // RAYA 100. URL: https://www.raja.fi/current_issues/guidelines_for_border_traffic (дата обращения: 10.10.2020).

¹⁴ Названия Талсинки или Хеллинн образованы на основе идеи существования города-близнеца, состоящего из столицы Финляндии Хельсинки и столицы Эстонии Таллина. Стратегическое сотрудничество городов воплощено в образе города-близнеца, имеющего конкретные цели развития, реализуемые посредством мобильности людей и товаров, услуг для нерезидентов, конкурентоспособности и маркетинга региона и достижения благополучия Балтийского моря. Это понятие было распространено на конкретные проекты, направленные на развитие сотрудничества и инфраструктуры (например, строительства туннеля) в регионе.

¹⁵ *Inbound travel* // Eesti Pank 2020. URL: <https://statistika.eestipank.ee/#/en/p/1410/r/2831/2620> (дата обращения: 10.10.2020).

¹⁶ *OECD Tourism Trends and Policies 2020*. URL: <https://doi.org/10.1787/6b47b985-en> (дата обращения: 10.10.2020).

следовательно роль финских туристов в экономике страны является ключевой. Во время пандемии общее количество ночевков в Эстонии сократилось на 45%, с примерно 4,9 млн в 2019 году (январь — август) до 2,67 млн в 2020 году. Путешествия эстонцев внутри страны во время летних каникул смогли частично компенсировать сокращение потока иностранных туристов на 62%. За первые восемь месяцев 2020 года финские туристы совершили около 21% от всех ночевков в Эстонии (34% в Таллине), при этом доля всех иностранных ночевков (41%) была значительной¹⁷.

Число финских туристов начало сокращаться в середине марта и начале апреля (табл. 2) после распространения «рекомендаций о запрете на поездки» и ограничения продажи билетов на пассажирские перевозки, принятых финским правительством. После относительного улучшения эпидемиологической ситуации в Эстонии самыми популярными направлениями для финнов оставались Таллин и Пярну, Эстония во время пандемии быстро заменила многим финнам «традиционные» направления летнего отдыха в Греции и Испании, так как эта страна знакома, легкодоступна и безопасна.

Таблица 2

Количество ночевков финнов в Эстонии в январе — августе 2020 года

Город	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август
Всего	71 950	101 165	30 978	262	1873	37 248	156 166	78 126
Таллин	51 456	74 609	20 652	125	1407	22 243	89 958	46 442
Пярну	11 908	15 724	6363	37	147	8848	38 822	16 476
Тарту	2696	3018	956	63	148	1640	8103	3888
Другие	5890	7814	3007	37	171	4517	19 283	11 320

Источник: *Turismi arengu ülevaated // Puhka Eestis*. URL: <https://www.puhkaeestis.ee/et/uuringud-ja-ulevaated/turismi-arengu-ulevaated> (дата обращения: 10.10.2020).

Р. Алхо и К. Кумер-Хауканёмм описывают масштабы и двусторонний характер мобильности и миграции между Финляндией и Эстонией, которые, по их словам, «бросают вызов такому бинарному и грубому определению идентичности, как “финн” или “эстонец”, и формируют новые значения понятий “дом”, “иностранец”, “присутствие” и “отсутствие”» [25, р. 17].

Долгосрочная миграция и транснациональная жизнь также стали частью реальности в этом регионе. Число эстонских иммигрантов в Финляндии увеличилось с 710 в 1990 году до примерно 29 000 в 2010 году и 51 000 в 2019 году¹⁸. Р. Альхо и К. Кумер-Хауканёмм утверждают, что фактически, «эстонцы» — это разнородная группа, состоящая не только из эстонцев, но также из ингерманландских финнов и русскоязычных представителей нескольких национальностей [25, р. 18]. Помимо туристов и трудовых мигрантов, в эту группу входят студенты и предприниматели, а также супруги, дети и пенсионеры, иммигрировавшие вместе с семьей. Поскольку многие эстонцы не регистрируют свое пребывание в Финляндии, а ездят между «домом» в Эстонии и в Финляндии, эти цифры могут быть намного выше. В период с 1992 по 2019 год более 8500 эстонцев также получили финское гражданство¹⁹.

¹⁷ *Turismi arengu ülevaated // Puhka Eestis*. URL: <https://www.puhkaeestis.ee/et/uuringud-ja-ulevaated/turismi-arengu-ulevaated> (дата обращения: 10.10.2020).

¹⁸ *Statistics Finland 2020, Immigrants and integration // Statistics Finland's PxWeb databases*. URL: http://pxnet2.stat.fi/PXWeb/pxweb/en/Maahanmuuttajat_ja_kotoutuminen/ (дата обращения: 10.10.2020).

¹⁹ *Ibid.*

В 2011 году около 80—90% эстонцев в Финляндии были мужчины, которые регулярно ездили в Финляндию на работу. Многие из них осуществляли поездки еженедельно, ежемесячно или реже. Расстояние между столицами Финляндии и Эстонии составляет всего 80 км, города связаны недорогим двухчасовым паромным сообщением через Финский залив. Заработная плата, условия труда и возможности трудоустройства в Финляндии лучше, чем в Эстонии, что позволяет приезжающим не только получать более высокий доход, но и чувство финансовой безопасности и общего благополучия. Имея крепкие семейные и дружеские отношения в Эстонии, большинство мигрантов не испытывают желания менять страну проживания [26, s. 141; 27, s. 158, 164—166], в результате чего их транснациональный образ жизни, состоящий из постоянных путешествий и отношений на расстоянии в разлуке с семьей, может привести к чувству одиночества, отчуждения между отцом и его детьми, к параллельным отношениям или разводу. Поэтому регулярное общение и качественно проведенное время в кругу семьи в выходные дни, подкрепленное чувством финансовой безопасности, позволяющим иметь перспективы материального обеспечения будущего детей, несомненно, оказывают положительное влияние на отношения [27; 28]. Дети мигрантов, в свою очередь, получая определенную материальную выгоду от работы членов семьи за границей, испытывают определенные трудности с принятием «необходимости» ситуации [29, s. 94]

Таким образом, количество членов семьи или целых семей, иммигрирующих в Финляндию, постепенно увеличивалось благодаря в том числе расширению спектра личных связей и социальных сетей. В статье об эстонских строителях, ставших «узниками “короны”» в Финляндии [30], описаны проблемы, с которыми столкнулись эстонские трудовые мигранты и их семьи в результате внезапного введения ограничений приграничного движения. Поскольку поездки эстонцев на работу по Финскому заливу не считались «уважительными», решение правительства прекратить продажу билетов на пассажирские перевозки приостановило жизнь эстонских мигрантов — им пришлось выбирать между возвращением «домой» в Эстонию или заработком в Финляндии без уверенности в том, что они вернуться домой до окончания пандемии. В статье, опубликованной в начале мая [30], эстонский строитель выражает свое мнение по поводу ситуации, которое, с нашей точки зрения, разделяет большинство эстонцев, приезжающих в Финляндию на работу:

С момента введения ограничений я свою семью не видел. <...> Конечно, скучаю по своим близким. Никто из нас еще дома не был, все мужчины ходят хмурые. Но у нас нет выбора, если мы поедem в Эстонию, то не сможем вернуться. Все остаются здесь, потому что боятся потерять работу.

Этому мужчине удалось посетить день рождения своего сына в Эстонии за полтора месяца до введения ограничений, из-за которых ему пришлось спешно вернуться на работу. Большинству мужчин сложно жить отдельно от семей, часто в съемных квартирах с несколькими другими мигрантами-мужчинами. Некоторые решили вернуться домой и найти альтернативную работу в Эстонии, другие приняли решение остаться в Финляндии, где рынок труда более регулируемый и безопасный. В [30] приводятся слова двух мигрантов об использовании новых телекоммуникационных технологий для связи с семьей. Этот инструмент поддержания связи с домом является значимым не только для эстонцев в Финляндии, но и для мигрантов по всему миру (см., напр., [27; 31]).

Я разговариваю с ними каждый вечер по видеосвязи. Это своего рода развлечение, не так ли? Они ждут встречи со мной, а я с ними. Я здесь ради своей семьи, чтобы зарабатывать денег.

Каждое утро, в обеденное время и вечером мы общаемся по видеозвонку, но ощущение физического отсутствия огромно. <...> Моей жене тоже было непросто в Испании [где она живет], там ограничения были особенно жесткими, она могла выйти из квартиры только для того, чтобы вынести мусор и сходить в магазин.

Стоит упомянуть, что институт транснациональных отношений и привязанности между членами семей мигрантов испытал потрясения после решения правительства ограничить мобильность между двумя странами. Используя концепции Д. Брайссона и У. Вуорела [32] и П. Пёллянена [33], П. Сиим [26, s. 142] поясняет, что у транснациональных семей есть особые, зачастую специально сформированные, способы выражения любви, привязанности и заботы, вызванные разлукой, которые укрепляют семьи как таковые. Так, в приведенном выше примере видеозвонки являются важной повседневной практикой облегчения эмоциональных переживаний мигрантов, не уменьшающие, однако, желания быть рядом и беспокойства о членах семьи. Поэтому в то время как у некоторых мигрантов не было иного выбора, кроме как «ждать и надеяться» на изменения в правилах приграничного движения, другие уехали обратно в Финляндию или пытались найти «альтернативные» способы пересечения границы. Один из мигрантов объясняет [30]:

Можно взять коммерческий автотранспорт и ехать, поскольку грузовые перевозки разрешены, на маленьком фургоне можно легко пересечь границу. На таможне можно сказать, что везете товары, тогда финская таможня пропускает без труда. Теоретически таким образом можно было бы даже навестить свою семью в Эстонии, но этого еще никто не делал, мы пока просто ждем и надеемся на то, что финское правительство ослабит пограничные ограничения по воскресеньям.

Мигранты, выезжающие на работу, были освобождены от 14-дневного карантина после принятого 12 сентября финским правительством решения об ужесточении ограничения поездок. Эта мера является важным шагом, облегчающим проблему перемещения как для эстонских рабочих мигрантов, так и для финских компаний. Она встретила большое одобрение со стороны правительства Эстонии. Финское правительство также ввело понятие «приграничных сообществ» на шведской границе, благодаря чему эстонские мигранты, выезжающие на работу, также получили особый статус для пересечения границы.

Заключение

Закрытие границ как основной способ борьбы с распространением заболеваний — явление не новое. В контексте глобализированной экономики, транснациональных сетей, транснационального образа жизни, а также производственно-сбытовых цепочек стремление властей максимально ограничивать поездки и транснациональные практики не всегда представляется идеальной мерой. Будучи популярным инструментом контроля и сдерживания рисков для здоровья и национальной безопасности в государственном контексте, закрытые границы обеспечивают безопасность повседневной мобильности и общественных мест. Разрешение на осуществление грузовых перевозок и «неотложных» поездок на работу на «внутренних» границах означает признание важности функционирующих пунктов пересечения границы для экономики, производительности и безопасности Финляндии. Как наглядно демонстрируют достигнутые недавно особые договоренности о «приграничных сообществах» и поездках на работу, правительство в конце концов отреагировало на критику и дипломатическое давление и приняло меры по уменьшению социальных издержек, вызванных закрытием границ.

Правительство Финляндии защищает свое население и обеспечивает безопасность функционирования общества во время пандемии, ограничивая мобильность и миграцию из соседних государств. Закрытие «внешней» границы Финляндии с Россией особенно негативно сказалось на приграничных торговых операциях и местной экономике. «Внутренние» границы со Швецией и Эстонией, которые являются предметом анализа данной статьи, представляют собой два разных исторических,

социальных и экономических контекста пограничных регионов в пределах Европейского союза. Практика и культура пересечения границ на севере имеет многовековую историю, но десятикратный рост числа заболевших COVID-19 в Швеции «вынудил» Финляндию ограничить приграничное движение более чем на полгода и закрыть интегрированную приграничную зону, в которой люди ежедневно пересекали границу в целях работы, отдыха, семейных дел и совершения покупок. Введение понятия «приграничное сообщество» и возвращение свободного передвижения через границу для жителей приграничных регионов было осуществлено только осенью 2020 года, когда правительство восстановило пограничный контроль в связи с ухудшением эпидемиологической ситуации в Швеции. На юге пересечение границы между Финляндией и Эстонией по Финскому заливу стало обычной практикой только в последние десятилетия. Карантин в этом регионе нарушил не только оживленный туристический обмен, но и личные встречи и связи между пассажирами, добирающимися до работы, семьями мигрантов и другими гражданами. Примечательно, что закрытие границ также разрушило физическое единение многих транснациональных семей и личных сетей, а также нанесло значительный экономический ущерб как бизнесу, так и регионам в целом. Направленная на предотвращение распространения инфекции мера нанесла удар экономически и социально интегрированным регионам.

Пандемия COVID-19 изменила наше понимание концепта глобализации и европеизации мира. Иллюзия глобального мира и Европы без границ обернулась расцветом национальных государств, при котором сама идея о международном сотрудничестве становится пугающей, а различные виды осуществления пограничных практик являются более строгими, чем когда-либо. Помимо территориальных границ государств практика установления границ распространилась и на общественные места и пространства за пределами приграничных территорий, а граждане, стремящиеся пересечь границу, автоматически вызывают подозрение. В условиях сильного политического давления и методологического обеспечения существования национальных государств введение новых практик может остаться незамеченным, однако необходимо задаться вопросом о целесообразности и эффективности ограничений мобильности для решения основной задачи, а также о затратах, которые в равной степени несут граждане, местные сообщества и бизнес.

Список литературы

1. *Bashford A. The Age of Universal Contagion: History, Disease and Globalisation // Bashford A. (ed.) Medicine at the Border: Disease, Globalisation and Security, 1850 to the Present. N.Y., 2007, P. 1—17. https://doi.org/10.1057/9780230288904_1.*
2. *Craddock S., Brown T. Representing the Un/healthy Body // Brown T., McLaffety S., Moon G. A Companion to Health and Medical Geography. Chichester, 2010. <https://doi.org/10.1002/9781444314762.ch17>.*
3. *Elliot S. Health Geography // Michalos A.C. (ed.) Encyclopedia of Quality of Life and Well-Being Research. Dordrecht, 2014. https://doi.org/10.1007/978-94-007-0753-5_1248.*
4. *Ingram A. The New Geopolitics of Disease: Between Global Health and Global Security // Geopolitics. 2005. Vol. 10, № 3. P. 522—545. <https://doi.org/10.1080/14650040591003516>*
5. *Youde J. Global Health Governance. Cambridge, 2012.*
6. *Ng N.Y., Ruger J.P. Global Health Governance at a Crossroads // Global Health Governance. 2011. Vol. 3, № 2. P. 1—37.*
7. *Weir L., Mykhalovskiy E. The Geopolitics of Global Public Health Surveillance in the Twenty-First Century // Bashford A. (ed.). Medicine at the Border. L., 2007. P. 240—263. https://doi.org/10.1057/9780230288904_13.*

8. *Coker R., Ingram A.* Passports and Pestilence: Migration, Security and Contemporary Border Control of Infectious Diseases // *Bashford A. (ed.) Medicine at the Border: Disease, Globalisation and Security, 1850 to the Present.* N. Y., 2007. P. 159—176. https://doi.org/10.1057/9780230288904_9.
9. *Mawani R.* Screening out Diseased Bodies: Immigratory HIV Testing and the Making of Healthy Canada // *Bashford A. (ed.) Medicine at the Border: Disease, Globalisation and Security, 1850 to the Present.* N. Y., 2007. P. 136—158. https://doi.org/10.1057/9780230288904_8.
10. *Zylberman P.* Civilising the State: Borders, Weak States and International Health in Modern Europe // *Bashford A. (ed.) Medicine at the Border: Disease, Globalisation and Security, 1850 to the Present.* N. Y., 2007. P. 21—40. https://doi.org/10.1057/9780230288904_2.
11. *Bengtsson L., Rhinard M.* Securitisation across borders: the case of 'health security' cooperation in the European Union // *West European Politics.* 2019. Vol. 42, № 2. P. 346—368. <https://doi.org/10.1080/01402382.2018.1510198>.
12. *Radil S.L., Pinos J.C., Ptak T.* Borders resurgent: towards a post-Covid-19 global border regime? // *Space and Polity.* 2020. <https://doi.org/10.1080/13562576.2020.1773254>
13. *Paasi A.* Virukset, rajat ja liikkuvuus. URL: <https://www oulu.fi/blogs/science-with-arctic-attitude/virukset-rajat-ja-liikkuvuus-> (дата обращения 10.10.2020).
14. *Jeskanen J.* Suomen ja Venäjän rajaliikenteeseen lisää helppouksia. URL: [venäläiset kiinteistönomistajat pääsevät Suomeen lokakuusta lähtien, Helsingin Sanomat.](http://www.hs.fi/ulkomaat/art-2000006655173.html) URL: <https://www.hs.fi/ulkomaat/art-2000006655173.html> (дата обращения 23.10.2020).
15. *Niemenkari A.* The Finnish Border Security Concept. Geneva Centre for the Democratic Control of Armed Forces // *DCAF Working Paper Series.* 2002. № 7. URL: <http://www.ciaonet.org/catalog/11813> (дата обращения 10.10.2020).
16. *Korkisaari J.* Suomalaisten Ruotsiin suuntautuneen siirtolaisuuden yhteiskunnalliset syyt 1900-luvulla, Turku, Siirtolaisinstituutti. URL: https://arkisto.org/wp-content/uploads/2017/08/005_Korkiasaari.pdf. (дата обращения 10.10.2020).
17. *Hiljanen P.* Tehostettu ulkomaalaisvalvonta käynnistetään — raja, poliisi ja tulli yhteistyöhön Torniossa // *YLE.* URL: <http://yle.fi/uutiset/3-8306444> (дата обращения 10.10.2020).
18. *Palttila P.* Suomi vahvistaa ulkomaalaisvalvontaa koko maassa — Orpo: Toinen järjestyksessä mahdollinen // *Helsingin Sanomat.* URL: <http://www.hs.fi/politiikka/art-2000002853769.html> (дата обращения 10.10.2020).
19. *Pelttari-Heikka S.* Tiina kulkee päivittäin rajan yli töihin // *Lapin Kansa.* URL: <https://www.lapinkansa.fi/tiina-kulkee-rajan-yli-paivittain-toihin-ruotsiin/733486> (дата обращения 10.10.2020).
20. *Juntti P.* Rajavartiolaitosta arvostellaan toimivaltuuksien ylittämisestä — viranomaisen mukaan rajanylityksistä on luovuttu vapaaehtoisesti, mutta moni suomalainen kokee tullessaan käännetyksi // *YLE.* URL: <https://yle.fi/uutiset/3-11361985> (дата обращения 12.10.2020).
21. *Pikkarainen A.* Rajaliikenne kasvoi jo 168 prosenttia: IL meni Ruotsiin nuuskanhakija-Esan kanssa — näin kävi // *Iltalehti.* URL: <https://www.iltalehti.fi/kotimaa/a/50055018-d3ac-45a1-a986-0d55d4769fda> (дата обращения 10.10.2020) (in Finnish).
22. *Mainio T.* Corona separated the twin-city // *Kauppalehti.* URL: <https://www.kauppalehti.fi/uutiset/korona-erotti-kaksoiskaupungin/8ea6b51c-396a-463c-bf8a-72f4df487486> (дата обращения 10.10.2020).
23. *Pikkarainen A., Taleva K.* Sisäministeri Ohisalo vetoaa suomalaisten moraalisiin rajanylityksessä: ”Poliitikko ei voi määrättömästi laittaa rajoituksia” // *Iltalehti.* URL: <https://www.iltalehti.fi/politiikka/a/76153116-85cb-494b-8ee7-435d494e4b20> (дата обращения 10.10.2020).
24. *Rausmaa H.* Suomen ja Viron poliittiset kulttuurisuhteet // *Alho R., Kumer-Haukanömm K. (eds.) Liikkuvuus, muuttoliike ja ylijärjetykset Suomen ja Viron välillä.* Turku, 2020. P. 44—60.
25. *Alho R., Kumer-Haukanömm K.* Introduction // *Alho R., Kumer-Haukanömm K. (eds.) Liikkuvuus, muuttoliike ja ylijärjetykset Suomen ja Viron välillä.* Turku, 2020. P. 13—28.
26. *Sii P.M.* Ylijärjetykset yhteenkuuluvuutta ja hoivaa: sukupolvien väliset suhteet Suomessa asuvissa virolaisissa perheissä // *Alho R., Kumer-Haukanömm K. (eds.) Liikkuvuus, muuttoliike ja ylijärjetykset Suomen ja Viron välillä.* Turku, 2020. P. 141—156.

27. *Telve K.* Pendelöinnin vaikutus lähisuhteisiin Suomessa työskentelevien virolaismiesten esimerkin mukaan // Alho R., Kumer-Haukanömm K. (eds.). Liikkuvuus, muuttoliike ja ylijäiset suhteet Suomen ja Viron välillä. Turku, 2020. P. 157–169.

28. *Telve K.* Absent or involved: changes in fathering of Estonian men working in Finland // Gender, Place & Culture. 2018. Vol. 25, № 8. P. 1257–1271. <https://doi.org/10.1080/0966369x.2018.1450227>.

29. *Siim P., Assmuth L.* Kotona kahdessa maassa: Ylijäisen lapsuuden tulkinnot Suomeen muuttaneissa lapsiperheissä // Kivijärvi A., Peltola M. (ed.). Lapset ja nuoret muuttoliikkeessä: Nuorten olot — vuosikirja. Helsinki, 2016. P. 91–104.

30. *Mõttus-Lepik E.* Eesti ehitajad Soomes koroonavangis: kolm kalevipoega räägivad, miks nad jäid Soome // Postimees. URL: <https://leht.postimees.ee/6964601/eesti-ehitajad-soomes-koroonavangis-kolm-kalevipoega-raagivad-miks-nad-jaid-soome> (дата обращения 10.10.2020).

31. *Urinboev R.* Establishing an ‘Uzbek Mahalla’ via Smartphones and Social Media: Everyday Transnational Lives of Uzbek Labor Migrants in Russia // Laruelle M. (ed.) Constructing the Uzbek State: Narratives of Post-Soviet Years. Lexington books, 2017. P. 119–148.

32. *Bryceson D., Vuorela U.* Transnational Families in the Twenty-first Century // Bryceson D., Vuorela U. (eds.) The Transnational Family: New European Frontiers and Global Networks. Oxford, 2002. P. 3–29. <https://doi.org/10.5040/9781474215855.ch-001>

33. *Pöllänen P.* Hoivan rajat. Venäläiset maahanmuuttajanaiset ja ylijäinen perhehoiva. Helsinki, 2013.

Об авторе

Йони Вирккунен, доктор наук, руководитель исследовательских проектов, Карельский институт, Университет Восточной Финляндии, Финляндия.

E-mail: joni.virkkunen@uef.fi

<https://orcid.org/0000-0002-8845-1396>

DISEASE CONTROL AND BORDER LOCKDOWN AT THE EU'S INTERNAL BORDERS DURING THE COVID-19 PANDEMIC: THE CASE OF FINLAND

J. Virkkunen

University of Eastern Finland
2 Yliopistokatu St., Joensuu, FI-80101, Finland

Received 10 October 2020
doi: 10.5922/2079-8555-2020-4-5
© Virkkunen, J., 2020

The article discusses the lockdown of the EU's internal borders during the COVID-19 pandemic in Finland. Special attention is paid to bordering as a means of disease control and the governments' aim to "protect the population and secure functions of society". Not only did the government restrict flights and 'non-essential' travel from non-Schengen

To cite this article: Virkkunen, J. 2020, Disease control and border lockdown at the EU's internal borders during COVID-19 pandemic: the case of Finland, *Balt. Reg.*, Vol. 12, no. 4, p. 83–101. doi: 10.5922/2079-8555-2020-4-5.

countries such as Russia, China and Thailand but, with some exceptions, it also restricted travel-to-work commuting and everyday cross-border encounters between Finland and its Schengen neighbours of Sweden, Norway and Estonia. The restrictions hampered tourism and migrant-dependent industries as well as complicated the lives of migrants' families. While the lockdown of the Estonian and Russian border does not cause any debates in Finnish society, the closure of the Finnish-Swedish border that has been completely open since the 1950s and the new regime led to a debate of citizens' constitutional rights and to civil disobedience that materialised in semi-legal border crossings.

Keywords:

bordering, COVID-19, pandemic, EU's internal borders, Estonia, Finland, Sweden

References

1. Bashford, A. 2007, The Age of Universal Contagion': History, Disease and Globalisation. In: Bashford, A. (edt.) *Medicine at the Border: Disease, Globalisation and Security, 1850 to the Present*, New York, Palgrave Macmillan, p. 1—17. doi: https://doi.org/10.1057/9780230288904_1
2. Craddock, S., Brown, T. 2010, Representing the Un/healthy Body. In: Brown, T., McLaffety, S., Moon, G. *A Companion to Health and Medical Geography*, Chichester, John Wiley & Sons. doi: <https://doi.org/10.1002/9781444314762.ch17>.
3. Elliot, S. 2014, Health Geography. In: Michalos, A. C. (ed.) *Encyclopedia of Quality of Life and Well-Being Research*, Dordrecht, Springer, available at: https://doi.org/10.1007/978-94-007-0753-5_1248 (accessed 10.10.2020).
4. Ingram, A. 2005, The New Geopolitics of Disease: Between Global Health and Global Security, *Geopolitics*, vol. 10, no. 3, p. 522—545. doi: <https://doi.org/10.1080/14650040591003516>.
5. Youde, J. *Global Health Governance*, Cambridge, Polity Press, 2012.
6. Ng, N. Y., Ruger, J. P. 2011, Global Health Governance at a Crossroads, *Global Health Governance*, vol. 3, no. 2, p. 1—37.
7. Weir, L., Mykhalovskiy, E. 2007, The Geopolitics of Global Public Health Surveillance in the Twenty-First Century. In: Bashford, A. (eds) *Medicine at the Border*, London, Palgrave Macmillan, p. 240—263, available at: https://doi.org/10.1057/9780230288904_13 (accessed 10.10.2020).
8. Coker, R., Ingram, A. 2007, Passports and Pestilence: Migration, Security and Contemporary Border Control of Infectious Diseases. In: Bashford, A. (edt.) *Medicine at the Border: Disease, Globalisation and Security, 1850 to the Present*, New York, Palgrave Macmillan, p. 159—176. doi: https://doi.org/10.1057/9780230288904_9.
9. Mawani, R. 2007, Screening out Diseased Bodies: Immigratory HIV Testing and the Making of Healthy Canada. In: Bashford, A. (edt.) *Medicine at the Border: Disease, Globalisation and Security, 1850 to the Present*, New York, Palgrave Macmillan, p. 136—158. doi: https://doi.org/10.1057/9780230288904_8.
10. Zylberman, P. 2007, Civilising the State: Borders, Weak States and International Health in Modern Europe. In: Bashford, A. (edt.) *Medicine at the Border: Disease, Globalisation and Security, 1850 to the Present*, New York, Palgrave Macmillan, p. 21—40. doi: https://doi.org/10.1057/9780230288904_2.
11. Bengtsson, L., Rhinard, M. 2019, Securitisation across borders: the case of 'health security' cooperation in the European Union, *West European Politics*, vol. 42, no. 2, p. 346—368. <https://doi.org/10.1080/01402382.2018.1510198>.
12. Radil, S. L., Pinos, J. C., Ptak, T. 2020, Borders resurgent: towards a post-Covid-19 global border regime? *Space and Polity*. doi: <https://doi.org/10.1080/13562576.2020.1775254>.
13. Paasi, A. Virukset, rajat ja liikkuvuus, *University of Oulu*, available at: <https://www.oulu.fi/blogs/science-with-arctic-attitude/virukset-rajat-ja-liikkuvuus> (accessed 10.10.2020).
14. Jeskanen, J. Suomen ja Venäjän rajaliikenteeseen lisää helpotuksia, *Uutiset*, available at: <https://www.hs.fi/ulkomaat/art-2000006655173.html> (accessed 23.10.2020) (in Finnish).

15. Niemenkari, A. 2002, The Finnish Border Security Concept, Geneva Centre for the Democratic Control of Armed Forces, *DCAF Working Paper Series*, no. 7, available at: <http://www.ciaonet.org/catalog/11813> (accessed 10.10.2020).
16. Korkisaari, J. 2017, *Suomalaisten Ruotsiin suuntautuneen siirtolaisuuden yhteiskunnalliset syyt 1900-luvulla*, Turku, Siirtolaisinstituutti, available at: https://arkisto.org/wp-content/uploads/2017/08/005_Korkiasaari.pdf. (accessed 10.10.2020) (in Finnish).
17. Hiljanen, P. 2015, Intensified Immigration Monitoring begin — Border, Police and the Customs to Cooperate in Tornio, *YLE*, 15.9.2015, available at: <http://yle.fi/uutiset/3-8306444> (accessed 10.10.2020) (in Finnish).
18. Paltila, P. 2015, Suomi vahvistaa ulkomaalaisvalvontaa koko maassa — Orpo: Toinen järjestelykeskus mahdollinen, *Helsingin Sanomat*, 19.9.2015, available at: <http://www.hs.fi/politiikka/art-2000002853769.html> (accessed 10.10.2020) (in Finnish).
19. Peltari-Heikka, S. 2020, Tiina kulkee päivittäin rajan yli töihin, *Lapin Kansa*, 23.03.2020, available at: <https://www.lapinkansa.fi/tiina-kulkee-rajan-yli-paivittain-toihin-ruotsiin/733486> (accessed 10.10.2020) (in Finnish).
20. Juntti, P. 2020, Rajavartiolaitosta arvostellaan toimivaltuuksien ylittämistä — viranomaisen mukaan rajanylityksistä on luovuttu vapaaehtoisesti, mutta moni suomalainen kokee tulleen käännetyksi, *YLE*, 21.5.2020, available at: <https://yle.fi/uutiset/3-11361985> (accessed 12.10.2020) (in Finnish).
21. Pikkarainen, A. 2020, Rajaliikenne kasvoi jo 168 prosenttia: IL meni Ruotsiin nuuskanhaki-Esan kanssa — näin kävi, *Iltalehti*, 21.05.2020, available at: <https://www.iltalehti.fi/kotimaa/a/50055018-d3ac-45a1-a986-0d55d4769fda> (accessed 10.10.2020) (in Finnish).
22. Mainio, T. 2020, Corona separated the twin-city, *Kauppalehti*, 9.4.2020, available at: <https://www.kauppalehti.fi/uutiset/korona-erotti-kaksoiskaupungin/8ea6b51c-396a-463c-bf8a-72f4df487486> (accessed 10.10.2020) (in Finnish).
23. Pikkarainen, A., Taleva, K. 2020, Sisäministeri Ohisalo vetoaa suomalaisten moraaliin rajanylityksessä: ”Poliitikko ei voi määrättömästi laittaa rajoituksia”, *Iltalehti*, 11.05.2020, available at: <https://www.iltalehti.fi/politiikka/a/76153116-85cb-494b-8ee7-435d494e4b20> (accessed 10.10.2020) (in Finnish).
24. Rausmaa, H. 2020, Suomen ja Viron poliittiset kulttuurisuhteet. In: Alho, R., Kumer-Haukanömm, K. (eds.) *Liikkuvuus, muuttoliike ja ylijärjät suhteet Suomen ja Viron välillä*, Turku, Siirtolaisinstituutti, p. 44–60.
25. Alho, R., Kumer-Haukanömm, K. 2020, Introduction. In: Alho, R., Kumer-Haukanömm, K. (eds.) *Liikkuvuus, muuttoliike ja ylijärjät suhteet Suomen ja Viron välillä*, Turku, Siirtolaisinstituutti, p. 13–28 (in Finnish).
26. Siim, P.M. 2020, Ylijärjät yhteenkuuluvuutta ja hoivaa: sukupolvien väliset suhteet Suomessa asuvissa virolaisissa perheissä. In: Alho, R., Kumer-Haukanömm, K. (eds.) *Liikkuvuus, muuttoliike ja ylijärjät suhteet Suomen ja Viron välillä*, Turku, Siirtolaisinstituutti.
27. Telve K. Pendelöinnin vaikutus lähisuhteisiin Suomessa työskentelevien virolaismiesten esimerkin mukaan. In Alho, R., Kumer-Haukanömm, K. (eds.) *Liikkuvuus, muuttoliike ja ylijärjät suhteet Suomen ja Viron välillä*, Turku, Siirtolaisinstituutti, 2020. P. 157–169. (in Finnish).
28. Telve, K. 2018, Absent or involved: changes in fathering of Estonian men working in Finland, *Gender, Place & Culture*, vol. 25, no. 8, p. 1257–1271. doi: <https://doi.org/10.1080/0966369x.2018.1450227>.
29. Siim, P., Assmuth, L. 2016, Kotona kahdessa maassa: Ylijärjät lapsuuden tulkinnat Suomeen muuttaneissa lapsiperheissä. In: Kivijärvi, A., Peltola M. (ed.) *Lapset ja nuoret muuttoliikessä: Nuorten olot -vuosikirja*, Helsinki, Unigrafia, p. 91–104.
30. Mõttus-Lepik, E. 2020, Eesti ehitajad Soomes koroonavangis: kolm kalevipoega räägivad, miks nad jäid Soome, *Postimees*, 4 May 2020, available at: <https://leht.postimees.ee/6964601/eesti-ehitajad-soomes-koroonavangis-kolm-kalevipoega-raagivad-miks-nad-jaid-soome> (accessed 10.10.2020) (in Estonian).

31. Urinboev, R. 2017, Establishing an ‘Uzbek Mahalla’ via Smartphones and Social Media: Everyday Transnational Lives of Uzbek Labor Migrants in Russia. In: Laruelle, M. (ed.) *Constructing the Uzbek State: Narratives of Post-Soviet Years*, Lexington books, p. 119–148.
32. Bryceson, D., Vuorela, U. 2002, Transnational Families in the Twenty-first Century. In: Bryceson, D., Vuorela, U. (eds.) *The Transnational Family: New European Frontiers and Global Networks*, Oxford, Berg Publishers, p. 3–29. doi: <https://doi.org/10.5040/9781474215855.ch-001>.
33. Pöllänen, P. 2013, Hoivan rajat. Venäläiset maahanmuuttajanaiset ja yllirajainen perhehoiva, *Väestöntutkimuslaitoksen julkaisusarja*, D 57/2013, Helsinki, Väestöliitto.

The author

Dr Joni Virkkunen, Research Manager, Karelian Institute, University of Eastern Finland, Finland.

E-mail: joni.virkkunen@uef.fi

<https://orcid.org/0000-0002-8845-1396>
